

полития

Д.О.Тимошкин

СНЫ О ПРОЙДЕННОЙ ГРАНИЦЕ: БЕСПРИЗОРНИКИ, ТОРГОВЦЫ, ГОРОДСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В «ВОЙНАХ ПАМЯТИ» О ГОРОДЕ «ДЕВЯНОСТЫХ»¹

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Президента РФ «Фронтирные территории в городах Сибири и Дальнего Востока» и частично (описание практик адаптации частного сектора в центре под нужды маргинальных сообществ) в рамках проекта № 20-011-00282 «Частный сектор региональных столиц Сибири и Дальнего Востока: структура и практики повседневности „негородских“ сообществ».

Дмитрий Олегович Тимошкин — кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета; старший преподаватель кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск). Для связи с автором: dmtrtim@gmail.com.

Аннотация. В статье анализируются образы иркутского центра в воспоминаниях представителей двух маргинальных групп — беспризорников и торговцев, живших и работавших там в период с 1999 по 2006 г., а также его современные репрезентации в публичных высказываниях городских элит. Цель исследования заключается в том, чтобы установить, какие функции городской центр выполнял в годы глубоких социальных трансформаций и почему об этом пытаются как можно скорее забыть.

По мнению автора, именно упоминаемые респондентами локальности и совершавшиеся в них действия во многом сформировали нынешние представления о периоде социального хаоса в «постсоветском» городе — периоде неопределенности, насилия и страха. Сегодня эти места и функции по большей части остались лишь в воспоминаниях, которые постепенно замещаются упрощенными и эмоционально насыщенными мифами о прошлом, транслируемыми городскими политическими режимами. Последние вытесняют из центра маргинальные группы, редактируют занимаемые ими прежде локации, параллельно меняя и связанную с этими территориями коллективную память.

В статье выдвигается и обосновывается гипотеза, согласно которой начиная с середины 1990-х годов и практически до конца «нулевых» данные территории использовались большинством горожан в качестве внеинституционального интерфейса, необходимого для подключения к городскому ресурсному узлу. Эта функция стала причиной ожесточенных конфликтов, в ходе которых многочисленные силовые операторы пытались установить монополию на взимание ренты с сосредоточенных там человеческих и ресурсных потоков. Представление о центре как о девиантном месте

конструировалось одновременно городскими режимами и маргинальными группами: для первых оно служило оружием в борьбе за «право на город», вторые связывали его с пережитой коллективной травмой.

Ключевые слова: право на город, маргинальность, пространство, городской сетевой узел, «пиратский» интерфейс, городской политический режим

Введение

² Линч 1982.

В зависимости от целей и позиции наблюдателей город предстает перед ними в разном облики. Наблюдатели производят «образ города»² — зафиксированный в памяти сложный гибрид социальных и пространственных категорий, с помощью которого осуществляется навигация, упрощается взаимодействие человека и места. Дома, улицы, рынки и иная городская материальность суть знаки, смысл которых задается воспоминаниями горожан. Разный опыт проживания в одном и том же пространстве может порождать противоречащие друг другу воспоминания, а значит, и образы, одни из которых ложатся в основу публичных конвенций о том, каким «в действительности» было место, другие — отрицаются.

³ Харви 2018.

⁴ Нора 1999.

⁵ Йоргенсен и Филипс 2008: 60.

Установление мемориальных конвенций нередко становится поводом для конфликта за «право на город»³, по итогам которого «память места», как и «место памяти»⁴, определяет победитель. Проводя аналогию с языком⁵, можно сказать, что локальность, вокруг которой разворачивается конфликт, есть «пустой знак», а различные версии памяти — варианты определения его смысла, поддерживаемые отдельными городскими сообществами. Группа, сумевшая отстоять некую версию связанной с локальностью памяти, объявив ее единственно верной, формирует мемориальную конвенцию, оттесняя в тень противоречащие ей воспоминания. В каком-то плане город можно считать процессом, результатом постоянной смены подобных конвенций, где «культурная память»⁶ определяет предназначение отдельных территорий. От того, какой образ доминирует в публичных мемориальных конвенциях, нередко зависит и то, как люди идентифицируют и используют свою среду обитания.

⁶ Ассман 2004.

⁷ Калущков 2013.

⁸ Ледаев 2009.

В статье рассматривается маргинальная версия памяти о вернакулярном⁷ центре Иркутска, реконструированная по автобиографическим рассказам бывших беспризорников, полицейских (милиционеров), чиновников, уличных торговцев, живших и работавших там в период с 1999 по 2006 г., а также политический миф, транслируемый сегодня городскими режимами⁸. Речь идет об обширной территории на правом берегу Ангары между улицами Советская, Желябова и Октябрьской революции. Здесь располагаются крупнейшие в городе рынки под открытым небом: стихийная барахолка «Шанхайка», которая для многих горожан того времени являлась синонимом центра вообще, строительный рынок «Фортуна» и другие, помельче. Между ними — рестораны, бары,

ночные клубы и кинотеатры. Все это соседствует с полузаброшенным (на момент описываемых в статье событий) парком и частным сектором — разваливающимися старинными деревянными усадьбами.

⁹ Григоричев и др.
2019.

С середины 1990-х годов и примерно до 2014 г. здесь находился логистический, торговый и развлекательный центр⁹. Стихийные рынки кормили город в сложные времена, сюда приезжали из окрестных поселений и спальных районов в поисках еды, одежды и приключений. Тут сплетались в сложный узел муниципальные власти, различного рода силовые операторы, теневая экономика. Все это держалось на эксплуатации обширных человеческих потоков, привлеченных дешевыми товарами повседневного спроса.

¹⁰ Ассман 2004: 52.

Сегодня территории центра, и в особенности открытых барахолок, воспринимаются многими как напоминание о городе «девяностых» и целом комплексе связанных с периодом социальной нестабильности групп и практик — беспризорниках, хаотической торговле, постоянной войне между многочисленными силовыми операторами. Эти воспоминания, как будет показано ниже, вытесняются образом нового, «цивилизованного» городского центра, создаваемым в публичных высказываниях представителей городских политических режимов. Коммуникативная¹⁰, субъективная память о городе прошлого маргинализируется, вытесняется из конструируемой влиятельными группами культурной памяти, в которой уже нет места для рассуждений о причинах и механизмах, сформировавших отрицаемый сегодня образ.

¹¹ Каганский 1999.

Под маргинальностью здесь понимается пограничное состояние, обусловленное выпадением за пределы существующих категорий. По аналогии с маргинальным человеком¹¹, находящимся на границе между разными социальными группами, маргинальные воспоминания вытесняются за пределы мемориальных конвенций, «социальных рамок памяти»¹². Эта дефиниция применима и к пространствам, когда они связываются в коллективных воспоминаниях с деятельностью маргинальных групп или же оказываются в центре «войн памяти»¹³.

¹² Хальбвакс 2007.

¹³ Шнирельман
2003.

Цель исследования заключается в том, чтобы установить, какие функции городской центр выполнял в годы глубоких социальных трансформаций, как о них помнят сегодня и почему забывают. Для этого предполагается реконструировать, опираясь на автобиографические нарративы респондентов, маргинальную версию памяти об иркутском центре и версию городских политических режимов, отраженную в СМИ. Выбор респондентов обусловлен тем, что именно торговцы и беспризорники внесли существенный вклад в формирование образа города «девяностых». Они отлично знали механику места и времени, умело используя ее в своих интересах. Роль, которую сыграли маргинальные группы и создаваемые ими пространства в борьбе за «право на город» тогда, во многом и определила то, как вспоминают иркутский центр сегодня. Воспоминания полицейских (милиционеров) и чиновников привлечены для того, чтобы, во-первых, максимально расширить диапазон субъективных взглядов и опытов взаимодействия с описываемыми территориями,

во-вторых, чтобы позиция влиятельных групп была представлена не только в виде публичных высказываний.

Статья состоит из четырех частей, в трех из которых реконструируется образ иркутского центра эпохи перемен. В первой части демонстрируется, как и по каким причинам респонденты попадали туда и какую роль в их жизни в конце «девяностых» — начале «нулевых» играл городской центр. Во второй и третьей говорится о теневых практиках редактирования и использования городских пространств, которые в дальнейшем легли в основу политического мифа об Иркутске периода трансформаций. В четвертой рассматриваются отраженные в медиа публичные высказывания о городском центре «девяностых» представителей политических режимов — чиновников, бизнесменов и экспертов.

При исследовании был задействован стандартный антропологический инструментарий — наблюдение и полуструктурированные интервью. Респонденты были разделены на две группы. В первую, помимо уличных торговцев, вошли администраторы, охранники и бывшие милиционеры, работавшие на расположенных в центре Иркутска рынках. Интервью с ними были собраны в ходе работы над проектами по изучению открытых рынков и частного сектора Иркутска. Проводя наблюдение на барахолках, я подходил к торговцам, мужчинам и женщинам в возрасте от 22 до 75 лет, мигрантам и местным, представлялся сотрудником университета и расспрашивал об истории рынка, профессиональных траекториях, жизненных стратегиях, отношениях с городскими властями и т.д. Интервью с силовиками и чиновниками собирались методом «снежного кома».

Вторую группу образуют бывшие беспризорники, жившие в подвалах в центре Иркутска в период с конца 1990-х по середину «нулевых» годов. Возможностью пообщаться с ними я обязан проводнику, который, состоя в одной из региональных религиозных организаций, долгие годы вел благотворительную работу среди иркутских бездомных. Именно он познакомил меня с будущими респондентами, поручившись за мою порядочность. Иного случая поговорить с бывшими беспризорниками, скорее всего, не представилось бы ввиду вполне понятного их недоверия к незнакомцам. Беседы с ними проходили в 2017—2019 гг.

Поскольку некоторые респонденты были активно вовлечены в теневую экономику иркутского центра, являясь свидетелями и участниками множества событий, которые сегодня многие сочли бы преступлением, в статье не приводится практически никаких биографических данных, чтобы не допустить даже малейшей возможности идентификации героев статьи. Выдержки из рассказов респондентов снабжены маркировками Б (беспризорник), Т (торговец), О (охранник), П (полицейский), К (коммерсант), Ч (чиновник); мои вопросы — маркировкой И (интервьюер). Материал для четвертой части был собран путем ввода в поисковую систему Google ключевых слов «центр», «Иркутск», «Шанхайка» и последовательного рассмотрения публицистических текстов, отраженных в выдаче.

**Центр
как точка входа
в постсоветскую
«страну чудес»**

¹⁴ Гофман 2000.

¹⁵ Кэрролл 1960.

В воспоминаниях центр Иркутска разделяется, выражаясь языком Ирвинга Гофмана¹⁴, на «передний план исполнения», узел массового потребления и развлечений, и «закулисье» — место концентрации теневых практик. Это «закулисье» я и буду называть здесь «страной чудес», отсылая к знаменитой сказке Льюиса Кэрролла¹⁵. Респонденты находились на границе между этими «планами исполнения», используя данное положение к собственной выгоде.

И для полицейских (милиционеров), и для чиновников, и для торговцев знакомство с рынком знаменовало собой вход в новый, «постсоветский» город, опасный и непредсказуемый. Это предполагало знание правил игры, которые создавались буквально на ходу множеством различных групп, борющихся между собой за установление власти над расположенными в центре экономическими узлами. В известном смысле все участники этого процесса были маргиналами: для каждого из них вхождение в новый город означало переход от одного статуса, поведенческой модели, этических представлений — к другим.

Для беспризорников вынужденное (а иногда и добровольное) погружение в «страну чудес» зачастую начиналось именно в центре. Первое столкновение с ней происходило в тот момент, когда респонденты оказывались в чрезвычайной ситуации, ставившей вопрос о выборе альтернативных моделей социализации¹⁶. К этому подталкивала обстановка в семье: живя на городских окраинах, в критических условиях, с раннего детства они занимались попрошайничеством, что со временем приводило их в центр, в район крупных стихийных барахолок. Сюда вело множество маршрутов общественного транспорта, здесь располагался логистический и финансовый узел. На стоянках и торговых площадях новоприбывшего выделял из толпы взгляд уже привыкших к уличной жизни беспризорников.

Б: На рынок [новоиспеченный беспризорник] пришел, на центральный рынок, на ту сторону, где стоянка <...> Нас там человек 12—13 пацанов ходят. В основном там ходили <...> с пакетами, которые дышат пацаны¹⁷. <...> Эти пацаны, они были настолько уже адаптированы, что они уже знали, что вот, если некуда деваться этому пацану, они уже сами шли к нему: «Что такое? Убежал из дома?» Ну и он стоит сочиняет — или правду говорит: «Вот, некуда мне идти». [И ему предлагают] «Все, давай к нам».

Новичка приводили в один из расположенных в центре подвалов, вхождение в который означало начало вторичной (или первичной, в зависимости от возраста и опыта «дебютанта») социализации.

Б: Ну, в первый раз мне вообще дико показалось. Я говорю: «М., ты что, куда меня ведешь?» Он говорит: «Нормально, пойдём!» За руку меня взял, темно, ничего не видно. А потом нормально, я там летал без всяких рук. Все выходы знал. Он меня туда привел — заходи, знакомься. Я зашел <...> там лица всякие-разные, все — привет! Кто-то вообще уже передышанный, глюки ловит, лезет куда-то. Я говорю: «Ни фига», я говорю: «Что это они делают?» Он говорит:

¹⁷ Имеется в виду распространенная среди беспризорников привычка нюхать клей или «морилку», пары которых вызывают опьянение.

«Это у них зависимость такая» <...> Еще сразу: «Здесь спим, здесь кушаем, умываемся (там была такая перемышка, заглушка). Там моемся». Я говорю: «Понятно». И все, он мне туда ход открыл, я там день, два, меня затянуло.

Новоприбывший становился частью сверхмобильной группы, численностью в несколько десятков человек. Они постоянно перемещались по центру, меняя место жительства в случае опасности и в зависимости от сезона. Эти перемещения в известной мере напоминали кочевнический миграционный цикл¹⁸. Новички пополняли уже существующие «банды» (как называли такие группы респонденты), населявшие окрестные подвалы и канализационные коллекторы. Состав «банд» беспрестанно менялся, относительно неизменным оставался лишь костяк — лидер и ближайшее его окружение. Включение в такой коллектив являлось, пожалуй, неизбежным для любого оказавшегося на улице ребенка. Альтернатива была незавидной: одиночество в зимнем городе грозило быстрой смертью даже опытным в уличной жизни детям.

¹⁸ Барфилд 2009: 44—47.

Б: Многие пацаны, которые сам по себе жил, месяц-два, видишь, он уже гаснет, гаснет. В себя уходит. На иголку садится <...> Ну что, потом — раз, в больницу попал. Через месяц — раз, умер. Ну вот, чтобы этого избежать, берешь забираешь их — жалко.

Группа помогала оттянуть подобный финал, отговаривая одиночек от самоубийства, страхуя от передозировки, снабжая едой и лекарствами в кризисных ситуациях. С одной стороны, спасение одиночек путем интеграции в уже существующие сообщества было чем-то вроде этической нормы. С другой стороны, новоприбывшие могли обладать полезным для коллектива навыком. Особенно котировалось умение «ходить по карманам» — на переполненном людьми рынке карманник мог добывать баснословные деньги. Ценились также дети, имевшие регулярный доход типа пособия по инвалидности.

Не все попадали в подвалы подготовленными, однако неискушенных в уличной жизни быстро обучали опытные товарищи, и в некоторых случаях уже через несколько дней неопиты начинали приносить пользу группе.

И: А можешь рассказать, как они [опытные] этому учили?

Б: Вот мы идем, они вот: «Иди, просто смотри». <...> Допустим, трое стоят, один общается [с торговцами на рынке], двое в пакет кидают что-то себе. На «Шанхайке» так же. И все, я денек-два-три [посмотрел на других], потом сам научился. Без проблем. Там уже сами руки, глаза только смотрят, руки работают. <...> Но большинство пацанов, кто приходил, <...> они с этим уже и жили как бы, они пришли и уже знают, как им быть и что делать.

Для торговцев центр играл аналогичную роль точки входа в «постсоветское». Положение многих из них, когда они начинали знакомиться с этим местом, было в чем-то схожим с положением беспризорников. Некоторые торговцы-мигранты оказывались здесь, сбежав от гражданских войн в бывших советских республиках. В центр

их приводили слухи о том, что здесь любой может подзаработать. То же могло происходить и с местными, внезапно лишившимися работы, или теми, чья область деятельности переставала приносить доход: преподавателями, врачами, научными работниками, которые обнаруживали, что из относительно привилегированной социальной прослойки стремительно опускаются на социальное дно. Как и бродяги, они тянулись в центр, поближе к человеческим потокам. Их пребывание там также означало вторичную социализацию — овладение навыками уличной торговли.

Т: Я на родине работал, я горный инженер. <...> Золото добывали, зарплата маленький. А здесь... Если там я <...> три-четыре тысячи рублей получал, семью-детей кормить еле-еле хватало. Поэтому я сюда [на рынок] пришел. Так я бы не пришел бы сюда. <...> Я с другом приехал.

И: И вы вместе поехали работать на рынок?

Т: Он раньше меня пришел. Потом я ему сказал, что, если работа есть... тоже хочу [работать] на рынке. Он показал, что тут чего, рынок показал. Я «помогаем»¹⁹ работал у китайцев. Потом жену позвал [в Иркутск] <...> Здесь [сын] учится и дочка учится, слава богу, хорошо живем. Дом покупали, квартиру покупали. Спасибо «Шанхайке».

¹⁹ Так называли людей, нанимавшихся к китайским предпринимателям на поденную работу — стоять за прилавком, грузить товар и т.д.

Граница, отделявшая маргинальность от нормы, новый город от старого, проходила по территориям и практикам одновременно и наиболее явно была обозначена именно в центре. Ее пересечение означало примерку новых социальных ролей (скажем, уличного торговца или теневого силового оператора), исполнение которых предполагало переопределение ряда мест в соответствии с сопряженными с этими ролями обязанностями, потребностями и действиями. Со временем возникали новые ассоциации со старыми местами, и само проникновение туда подразумевало переход границы между маргинальностью и нормой.

Если для беспризорников символической и физической границей, маркировавшей погружение в маргинальный центр, был подвал, то для торговцев эту функцию выполнял сам рынок. Оказавшись по ту сторону прилавка, человек начинал играть роль, порой настолько сильно менявшую его в глазах окружающих, что его переставали узнавать столкнувшиеся с ним знакомые. Некоторые респонденты рассказывали, что их близкие относились к уличной торговле неодобрительно, будто сам факт погружения в экономику центра означал социальную стигму, даже если это приносило хорошие по тем временам заработки. Так или иначе, новоприбывшие заводили дружбу с другими торговцами, силовыми операторами, копили деньги, все глубже проникая в хаотическую структуру локальности.

Т: Это все диаспоры. <...> Ты сюда приезжаешь с голой ж***й. Тебе диаспора дает как бы кредит, и все. Тебе <...> дали навильон, вот тебе вещи, ты стоишь торгуешь. Вперед. Раскручивайся. Ты зарабатываешь деньги, чтобы другой приехал завтра, и ты ему тоже

[дашь кредит]... *Это все с общака идет. Это диаспора. Так бы как они тут так поднялись...*

Преодолевая границу «страны чудес», новоприбывшие обнаруживали, что у знакомых улиц, площадей и зданий есть скрытый, потаенный смысл в теневой экономике, построенной на эксплуатации огромных толп, привлеченных дешевыми товарами. Торговцы и беспризорники включались в уже существующие здесь горизонтальные сети и создавали новые, интегрировались в сложившиеся порядки, захватывая и формируя наиболее комфортные для себя ниши. Они старались постоянно быть как можно ближе к точкам концентрации человеческих потоков, присваивая и изменяя места, изначально предназначенные совершенно для других целей.

Центр становился метафорой, символической точкой преодоления границы между старым и новым городом не только для бездомных и беженцев, но и для городской бюрократии и силовых операторов. Именно городская администрация в начале «девяностых» внесла существенный вклад в обретение центром его новой, постперестроечной формы. Площади рядом с остановками общественного транспорта были выбраны как оптимальное место для концентрации разбросанных по городу импровизированных, стихийных торговых точек. Вероятно, это объяснялось стремлением хоть как-то упорядочить торговлю, однако эффект оказался прямо противоположным.

Собрав множество торговцев рядом с транспортным узлом, связывавшим спальные районы, пригороды, окрестные селения и городки, городские власти способствовали взрывному росту барахолок с многомиллионными оборотами, не имея ни малейшего опыта управления подобными процессами. В интервью старых торговцев, заставших гигантские постсоветские базары центра в момент их зарождения, упоминаются по-детски наивные попытки муниципалитета контролировать эти образования, неизменно оборачивавшиеся ничем.

На начальном этапе на рынки направлялся «человек от администрации», собиравший с каждого прилавка небольшую сумму наличными. Места между торговцами тоже распределяла «администрация». Уже через несколько лет окружавшие зародыши будущих гигантских базаров слободы наводнились полукриминальной инфраструктурой, которая в большинстве случаев контролировалась негосударственными силовыми операторами. «Человека от администрации» заменили бандиты, продававшие и перепродававшие крошечные участки за тысячи долларов.

Теневые финансовые потоки, заполнившие новый центр, выраставший буквально на руинах старого, дезориентировали и разлагали бюрократию, непривычную к управлению «постсоветским» городом. Судя по воспоминаниям коммерсантов, изначально земли, на которых велась торговля, находились в собственности муниципалитета, и заведовали ими назначаемые городом директора. Однако вскоре оказалось, что они не имеют там никакой власти, будучи пешками в руках

множества разрозненных силовых операторов, которые свободно распорядились подведомственными муниципалитету территориями, взимая с торговцев и посетителей ренту по своему усмотрению.

В этом плане улицы и площади центра Иркутска, занятые торговлей под открытым небом, отражали в миниатюре положение дел в стране в целом. Пока бюрократия пыталась сориентироваться в ситуации, в образовавшийся управленческий вакуум хлынули привлеченные большими деньгами силовые операторы²⁰, начиная с обычных бандитов и заканчивая местными полицейскими (милиционерами), которые постепенно выстроили собственную, основанную на горизонтальных сетях систему контроля над территорией и перераспределения имевшихся на ней ресурсов.

Муниципалитету пришлось встраиваться в созданную разрозненными акторами систему постфактум, причем изначально данный процесс протекал в виде неформальных контактов между отдельными чиновниками, бизнесменами и силовыми операторами. Возможно, именно это и привело к тому, что муниципальные земли, на которых велась самая выгодная торговля, как-то незаметно оказались в частных руках, что еще больше подорвало способность муниципальных властей редактировать территории центра. Прошло немало времени, прежде чем официальные городские власти смогли заговорить с центром подведомственного им города на языке силы, а пока на этом языке говорили все остальные.

²⁰ Волков 1999.

**Подвалы, рынки,
«частный сектор»
и войны
за маргинальное
место**

Фрагментированность власти, растерянность бюрократии и стихийные базары породили уникальную ситуацию, когда даже небольшие маргинальные городские сообщества могли взять себе толику этой власти, захватив и адаптировав под собственные нужды небольшие места городского центра. Социально-экономическая структура советского города была уже неэффективна, а новая только формировалась, и это открывало шанс стать *актором* в полном смысле слова, обретя способность воздействовать на свою среду обитания в обмен на известные риски, даже для тех, кто оказался на самом дне. Именно множество самовольных действий по освоению *мест* и переопределению их под нужды нового времени, вероятно, и объясняет сегодняшние представления о городском центре тех лет.

П: Обменный пункт существовал без всяких бумаг, где граждане КНР могли быстро <...> менять свои юани на рубли или доллары. <...> Ну отсутствует у меня регистрация, отсутствует вообще паспорт, в банке меня никто не обслужит. А здесь я пришел к господину Ун Юн Яу какому-нибудь, отдал ему доллары, получил рубли без всяких заморочек, без всяких проблем. <...> Как правило, это был обычный пятитонный контейнер с двойной стенкой, за этой стенкой маленький столик, и на этом столике с такой пачкой... пирамидкой Хеопса денег. Полтора квадратных метра, вот и весь обменник. <...>

Вокруг «Шанхая» даже до сих пор осталось большое количество частных деревянных домов. Вот там люди снимали помещения и делали... не больницу, конечно, медкабинет, скажем так. Это связано с тем, что опять же не всякий человек, находящийся на «Шанхайке», может пойти в больницу, не всякий имеет страховку и т.д.

Каждая из приходивших на рынок групп занимала там свою нишу, используя те тактики борьбы за «право на город», к которым была наиболее приспособлена. Стоянки и площадки рядом с многочисленными питейными заведениями были отличным местом для попрошайничества. В темных закоулках попадались пьяные — легкая добыча для грабителя. Здесь также можно было собирать деньги за «охрану» автомобилей состоятельных клиентов ресторанов и ночных клубов. Брошенная на землю на бойком перекрестке картонка могла заменить магазин. Сваливая на нее привезенные из Китая или Вьетнама вещи, торговец за несколько дней получал доход, который менее предприимчивые его земляки зарабатывали за месяц.

Респонденты признавали центр идеальным местом для краж. Хаотичный, грязный и многолюдный, наполненный яркими предметами, громкими звуками и необычными запахами, он не позволял потенциальным жертвам сконцентрироваться на своих карманах. Оптовые покупатели приносили сюда толстые пачки наличных, которых хватало бы, чтобы загрузить одеждой «Камаз». Все это сулило безграничные возможности для опытных карманников.

Своего рода актом присвоения и реорганизации центра было заселение бродягами и торговцами подвалов, полуразвалившихся деревянных усадеб частного сектора, канализационных люков и теплотрасс. Подвалы становились штабами детских «банд», с ними связывалась коллективная идентичность группы. Самые известные получали имена. Так, один из них, расположенный рядом с открытым рынком, назывался «цепи», другой, позднее переоборудованный в компьютерный клуб, — «бункер». Респонденты-беспризорники и сегодня могут в деталях восстановить, как было организовано пространство подвала, который был и местом совместных трапез, и материальным воплощением структуры группы, и крепостью.

Б: Спускаешься, открываешь дверь с решеткой, там ход пошел низкий. Метров [на] пять уходишь, поворачиваешь. <...> Там даже через трубы можно было проползти, в еще одну комнату попадаешь. И вот, в одной комнате жили человек 25, у нас были там, тоже из досок, нары, и мы всей бражкой лежали там штабелями. <...> Ящики такие натаскали, квадратом поставили. Эти ящики нам служили как стол, как стулья и как кровати тоже. <...> В три ряда, у которых кровать такая. <...> Кто заходит, уже знает, что там козырный лежит.

И: По сути, это был детский дом? Только негосударственный?

Б: Ну, по сути, знаешь, это была семья. Да, это был дом, где жила семья. Где все для тебя и братья, и сестры. <...> Где ты за

каждого, за любого пойдешь и будешь бороться, и драться будешь. Ну, если он сделал подлое, его все ненавидят. Как предателя считают. Между собой можно было драться <...> Но кто-то левый тронул — бежит весь подвал.

Сплоченность перед лицом внешних угроз отнюдь не означала строгой внутренней организации. Судя по всему, в большинстве случаев дети сами решали, сообразно своим способностям, какой способ заработка выбрать. Обычно в начале дня обитатели подвалов распределяли между собой территории центра, оговаривая, кто, где и чем будет заниматься. Одни отправлялись попрошайничать, другие шли «охранять» машины на стоянках, третьи — «отрабатываться». Иногда, особенно по вечерам, все толпой отправлялись в места народных гуляний на промисел, кто-то приносил «домой» меховые шапки, сорванные с прохожих, кто-то телефоны. Добытые вещи, как правило, шли в общий котел, на покупку еды и наркотиков.

И: А когда приносили, это у каждого свое было или это общее было?

Б: В основном делалось как. Принесли (допустим, я) А. «Что, скидываем фагу²¹?» «Скидываем». Продали, взяли пожрать, ну и морилку взяли. Ну, мы тоже дышали. А там больше ничего не надо, пожрать и морилка. Тепло есть, постель есть, народу вот так, с кем можно похохотать. И все, больше ничего не надо. Кололись. Ну или вот на «Страту»²² придет народ, 5—6 тысяч за ночь приносит. Там раньше не гоняли. Там попрошайничали, ночью машины охраняли. Все бабки собрали, посчитали. Л. забрал, уехал на третий поселок²³, наркоты набрал...

Беспризорник редко рассматривался в качестве отдельной единицы, прежде всего он представлял «семью» — группу из нескольких человек, ассоциирующуюся с определенным подвалом. Изнутри такую подвальную «семью» могли раздражать постоянные бытовые конфликты, однако, выстраивая отношения с внешним миром, подвал обычно действовал как единое целое. «Семьи» могли заключать между собой союзы, могли враждовать, но, так или иначе, они были осведомлены о том, что происходит у соседей, кто там лидер, насколько эффективно он управляет своей территорией.

Место становилось частью коллектива, иногда было достаточно называть подвал, чтобы собеседник понял, насколько влиятельная, сплоченная и опасная «семья» там живет. Подвалы формировали сеть, в которой отслеживались перемещения отдельных членов сообществ, их победы и поражения. Сеть была весьма разветвленной. Судя по воспоминаниям респондентов, еще 15 лет назад в центре Иркутска нельзя было найти ни одного «бесхозного» подвала, который не был бы ее частью.

Помимо подвалов, респонденты говорили и о местах, доступных для всех желающих. Так, на слуху был расположенный в центре «костер», представлявший собой площадку, где всю ночь поддерживался огонь и куда любой мог прийти и переночевать. Упоминалась еще одна локация — «сгоревший садик» рядом с «Индокитаем» (так называли

²¹ Мобильный телефон.

²² Известный в те годы ночной клуб «Стратосфера».

²³ Один из основных центров наркотоговора в городе.

злачное место недалеко от рынка), где беспризорники соседствовали с другими подростковыми бандами.

Б: Ну вот, попали к нам скинхеды, жили там. Ну, они тоже молодые, им лет по 13 было. Их, наверное, человек пять там жило. Ну, они жесткие вообще, агрессивные. <...> Мы с ними <...> через день дрались месяца два подряд. Ничего, потом нормально, смирились, сколько можно драться <...> Они даже сейчас <...> собираются на «Индокитае».

И: Скинхеды — это фашисты которые?

Б: Ну да. Прикинь, <...> он одежду снимает, у него там свастика, немецкий знак <...> как будто выжжено как клеймо. «Ты как сделал?» <...> «Железку сделали, в углях прижег — и все, без проблем». <...> А мы-то этого не понимали, это сейчас я понимаю — ну ничего себе. <...> У них так-то все, мама-папа, нормально обеспеченные, они там на скейтах всегда катались. А они там раз — придут с утра, эти пакеты, и все, до вечера сидят балдеют.

Для торговцев ключевую роль играли торговые ряды под открытым небом, прилавки, огромные грузовые контейнеры и деревянные полуразрушенные дома окружавшего рынка «частного сектора». Торговый ряд, как и подвал, мог определять социальную идентификацию торговца — его национальность, связи, «крышу». В одних рядах могли торговать только китайцы, в других — только местные²⁴. Новоприбывший платил одному или нескольким силовым операторам, занимал прилавок и начинал жизнь, полную риска, в таких же, как и подвалы, маргинальных местах.

И: Я слышал, что также жили прямо в контейнерах, на рынке?

О: Конечно, было такое. И жили. У них были [те], у кого были пятитонники, у него же товар, у него же жили. <...> Тут же и готовили, и тут же они по несколько контейнеров, в одних живут, в других торгуют. <...> Кто в Иркутске давно живет, все это помнит. <...> Даже вот старые дома, которые были все развалюхи, они [торговцы-мигранты] их подшаманили. Вот дом, тебе пример. Там мало интересного... Их там жило человек по сорок.

Располагаясь в самом центре города (в частности, на пересечении улиц Партизанская и Горная), дома эти были в ужасном состоянии. Грязные, со следами пожаров, с окнами, затянутыми полиэтиленом, они представляли собой неприглядное зрелище. Внутри можно было встретить остатки еще дореволюционного декора, чудом сохранившиеся лестницы со сложной резьбой. В небольших комнатах вплотную друг к другу стояли ржавые кровати, на полу — горы мусора. Проживание там носило временный характер — как правило, в таких домах селились новоприбывшие, не имевшие денег и постоянного дохода. Как только торговец вставал на ноги, он старался уехать отсюда, арендовав нормальное жилье в другом районе города.

Маргинальные места становились полем боя между множеством разрозненных силовых операторов, к которым с известными оговорками можно отнести и детские «банды», и торговцев, и работников ЖКХ,

²⁴ Впрочем, некоторые респонденты утверждают, что на рынке были только «русские» ряды, остальные группы торговали вместе, без оглядки на этническую или национальную принадлежность.

и администрацию рынка, и милицию. Свой первый подвал группа, к которой принадлежал один из респондентов-беспризорников, отбила у бродяг постарше.

Б: Я пришел когда, там ребята с 90-х годов жили, именно в этом подвале. <...> Лет [по] 30. Ну, они такие [опытные] уже, большинство эков там жили. А потом пришли молодые, и мы их угнали. Оттуда выгнали. Давайте, все, мы тут жить будем. Все, без проблем собрались... Они уже взрослые дядьки все, им уже стыдно должно быть. Мы им говорим: «Мы молодые, нам по 14—16 лет. Давайте, короче, двигайтесь».

Детские «банды» являлись помехой для торговцев, использовавших подвалы как склады, однако после нескольких бесплодных попыток выселить конкурентов отступались и они.

Б: Ну, эти китайцы, торговцы, мы им мешали, нас там человек 20 жило. <...> И все, они прибегут к нам толпой — давайте, выселитесь. <...> Мы как-то смехом это все покрывали. Они-то серьезно, они даже палками нас гоняли. С ними сильно не дрались, они же не понимали по-русски, а нам смешно. Они что-то орут на нас на своем, а нам смешно, мы бегаем просто от них, они нас догоняют. На день нас выселят, мы приходим — замок висит. Мы его сломаем — опять зайдем.

Очистить подвалы от детских «банд» пытались и коммунальщики, и другие молодежные группировки, и жители, но со временем с их присутствием смирялись. Жители носили непризорникам еду, требуя взамен тишины по вечерам, работники ЖКХ отдавали им ключи от подвалов с условием, что они всегда будут держать двери закрытыми. Подвалы, пусть ненадолго, обрели хозяев. Как вспоминают респонденты, автономию подвалов в той или иной степени начала признавать даже местная милиция.

Б: У нас были такие моменты, [милиционеры] были не в состоянии ничего сделать, они когда к нам врывались, мы просто гасили везде свет и били всех их. При этом забирая у них медали, и, бывало, даже оружие забирали. <...> Они там: «Пожалуйста, <...> верните — мы больше никогда в ваш подвал не приедем!» <...> Отдашь, допустим, табельное оружие, он радуется там, ему говоришь <...> прикалываешься: «Я с него, там, застрелил двоих, патроны нашел». Он: «Что!?» «Да шучу, не бойся». А потом медали мы долго не отдавали. <...> Он... от горя придет пьяный: «Пожалуйста, верните! <...> Да я вам сейчас поляну накрою!» Все, он, там, денег даст, сбегает, пожрать возьмет: «Верните!» <...> «Ладно, на! Только на рынке к нам не лезь!» «Да не буду лезть!»

Гораздо более масштабные и кровавые столкновения случались при переделе территорий стихийных барахолки и мест, занятых под обслуживающую их инфраструктуру. Каждый метр территории, прилегавшей к барахолкам, ценился и использовался. Во время войн между силовыми операторами сгорали старинные усадьбы, за считанные

дни люди делали состояния — и лишались их. Влиятельные в городе фигуры, в том числе и некоторые хорошо известные сегодня представители истеблишмента, приобретали здесь участки, не брезгуя прямым захватом земель у мелких собственников, не имевших силового прикрытия.

И в том, и в другом случае в конфликтах участвовало множество операторов, причем в начале рассматриваемого периода «государственные» силовики играли в подобных процессах лишь одну из ключевых, а то и второстепенную роль. Подвалы контролировались коммунальщиками и жильцами, однако с обретением этими местами нового предназначения они утратили власть над ними, что и повлекло за собой многочисленные распри. То же произошло и с территориями, занятыми открытым рынком, да и с вернакулярным центром в принципе. Новыми акторами становились исполнители нетипичных для условно «советского» города ролей или же те, кто сумел адаптировать свою роль к новым реалиям.

Наиболее успешные из них захватывали все бóльшие территории центра, что приводило к некоторому упорядочиванию, робким попыткам «облагородить» занятые пространства. Появилось несколько крупных собственников земли, которые, отложив оружие в сторону, начали обустривать свои владения, постепенно осознавая свою способность влиять на выбор направления развития города в целом.

Ч: Администрации хочется иметь дело с более крупным субъектом, который уже сам регулирует отношения с более мелким. Условно говоря, N. Они очень крупное предприятие торговое, иногда даже они <...> дают на администрацию — просто тем, что от них многое зависит. Они могут, представьте [заявить]: «Вы нас как-то ограничиваете, а нам придется 20% людей уволить». Администрация сразу: «Давайте поговорим, чё вы!?» С этой точки зрения N, когда начинает предлагать, что возьмет себе этот квартал в управление, все это выкупают и делают там рынок. Конечно, администрации с такими проще...

Складывается впечатление, что параллельно с укрупнением контролирующих торговые площади центра предпринимателей возрастала и власть муниципалитета. Возможно, как раз потому, что с крупными коллективными акторами городской бюрократии было проще вести диалог, нежели с разрозненными бандами. Впрочем, на этой локальной истории мог отразиться и общий процесс возвращения государством монополии на насилие. Как бы то ни было, уже к 2004—2005 гг. позиция муниципалитета в отношении центра заметно активизируется. В публичном пространстве начинают вестись разговоры о необходимости вытеснения рынков на периферию. Именно в этот период в риторике влиятельных групп появляются «цивилизаторские» нотки: рынки объявляются не соответствующими тому, как «должен» выглядеть центр. Некоторые респонденты, правда, утверждают, что подобные заявления лишь прикрывали новые поборы.

К: Они [администрация] хотели закрыть [рынок], два миллион(а) дали — глаза закрыли. Это мое мнение. Если я сам здесь хозяин, этот павильон, у меня аренда плотится, кушать есть что, хорошо работать. Если мне из администрации придет: «Давайте закроем»? Вот ты, например, у власти сидишь. Я тебе вечером предлагаю ресторан, хороший ужин. Дипломат денег дадут — ты же глаза закроешь, правильно? <...>

И: Конечно!

К: Вот так было там. Там пять хозяинов. Каждый по миллиону давал.

Сформированный множеством спонтанных актов по присвоению и переопределению объектов и территорий центр вступал в новый период своего развития. Он все еще оставался недоступен для тотального контроля со стороны муниципальных властей и силовиков, однако там сложились устойчивые неформальные сети и системы практик, связавшие между собой бродяг, бизнесменов, покупателей и часть милиции.

Так на остатках структуры старого города постепенно возникла относительно стабильная карта теневого центра с отмеченными на ней точками, где можно было получить уникальные, экзотические, а порой и совершенно нелегальные товары и услуги, начиная с контрафактных спортивных костюмов и заканчивая детской проституцией и героином. Наиболее востребованные, актуальные практики становились своего рода коллективным политическим высказыванием, закрепляющим за поставщиком услуги или товара определенное место в постперестроечном городе. Позже именно эти практики легли в основу транслируемого городским режимом политического мифа об Иркутске «девяностых».

**Маргинальные
практики центра —
основа
политического мифа
об эпохе перемен**

Подвалы были пограничной зоной дома, как рынок — пограничной зоной города в целом. Подвал находился в «промежутке» между жилыми помещениями и улицей, а рынок — на границе между «своим» городом и «чужаками», понимаемыми как территории и люди одновременно. Эти места рождали городские легенды. Из подвалов доносились странные и пугающие шорохи, именно здесь обнаруживали несметные сокровища, спрятанные за полусгнившими деревянными перемышками, здесь обитали чудовища и работники ЖКХ. Не меньше мифов производили базары — там, в темных закоулках, скрывались волшебные предметы, места и события, которые, собственно, и были основной причиной присутствия там человеческих толп.

Социальная дистанция, разделявшая добропорядочных горожан и маргиналов, и теми и другими эксплуатировалась с выгодой. Для бюргеров это была возможность в обмен на риск и часть социального капитала получить эксклюзивные товары и услуги. Беспризорники и торговцы выступали в роли проводников в подпольный центр, беря на себя моральные издержки и большую часть рисков. Постепенно карты

«страны чудес», и в первую очередь рынков, входили во все более широкий обиход, привлекая туда все больше и больше людей.

Беспризорники, торговцы и многочисленные силовые операторы мастерски использовали свое знание сцены постсоветского центра для взаимовыгодного сотрудничества с проходящими через нее человеческими потоками и эффективной их эксплуатации. На основе опыта складывались практики оптимального использования территории, которые передавались из поколения в поколение.

²⁵ Имеется в виду «Шанхайка».

И: А на «Шохе»²⁵ вы тоже работали?

Б: Да, только в другом плане. По карманам. Или, допустим, пришли на «Шоху» человек пять. Трое одного прикрывают, он оделся в новые вещи, сверху свои, грязные. <...> У кого-то в кармане пропало 40, 50, 100 тысяч. Тебя менты взяли на выходе, а у тебя еще деньги свои должны быть, хотя бы, не знаю, тысяч пять, чтобы ты мог свои деньги с еёними перепутать. У нее такая сумма, а у тебя такая. И все, разбиваешь специально, чтобы у тебя много было. Стоишь в очереди, держишь в руках, одной рукой работаешь, тебя прикрывают.

Вырабатывались критерии, алгоритмы, позволявшие систематизировать «работу» в центре. Наметанный глаз выхватывал из толпы человека, который определенно был при деньгах. Потенциальную жертву сопровождали до удобного места, и затем происходило то, что Вальтер Шайдель называл насильственным перераспределением²⁶.

²⁶ Шайдель 2019.

Б: Ну вот, идет, например, гусь, да...

И: А что такое гусь?

Б: Ну лох, так скажем. Или не лох; допустим, серьезный солидный дядька. На нем цепь висит, которая сто грамм. Барсетка, перстень. Ты это все знаешь и отстреливаешь. Понимаешь, что в кармане не меньше пятерки есть. Идешь сзади него, общаешься между собой. Доходишь до определенного местечка, где народу много не ходит. Подходишь [окликаешь его]: «Дядя!» Он поворачивается — бам! Привет! Все. А как-то выживать надо было. <...> Мы любили, когда день ВДВ. <...> Я помню, был такой момент, в день десантника... Десантники бьются, а мы там тюками таскаем товар. На их же [торговцев] тележках. В подвал все тащим. Понатаскали.

Привычка к насилию делала детские «банды» вполне дееспособным силовым оператором среди многих, «работавших» в центре. Беспризорники обкрадывали и торговцев. Истории о ловком воровстве вещей с прилавков были частью порожденного открытым рынком фольклора. И торговцы, и непризорники вспоминали одну и ту же схему. Прилично одетые подростки подходили к прилавку и начинали торг, пытаясь заговорить зубы продавцу. Пока шла беседа, один из них незаметно сбрасывал вещи на землю, откуда их потом подбирали товарищи. Вытворють такое позволяла атмосфера стихийной барахолки. Товар здесь считали на вес, бухгалтерия была совершенно беспорядочной, и потерю нескольких курток или штанов могли просто не заметить.

К постоянно кормившимся с рынка детям настолько привыкали, что старые торговцы многих знали по именам. Беспризорники интегрировались в обычную для стихийных рынков того времени модель отношений торговцев и покупателей, заводя приятельские отношения с продавцами, которые предоставляли им скидки и добровольно отдавали часть товара.

Б: Да нас там уже знали всех. Просто мимо прилавков идем — там уже пакеты [с вещами] летят. Пакеты собирали и уходили. Ну как бы нормально вообще относились. <...> Сейчас с детьми, с сурругой идем — до сих пор все знают: «Привет, помнишь?» «Конечно, помню». Все, без проблем идем, все подешевле покупаем. <...> [Однажды] там склады сгорели, они [китайские торговцы] сами пришли, нас орут. Там переводчик пришел, мы вышли: «Что?» Они говорят: «Там склады сгорели, пойдёмте, мы вам вещи отдадим, они там немного поплавленные» <...> Зашли, там вагона четыре. <...> Часа четыре собирали, такие горы.

Торговцы же чаще вспоминают о беспризорниках как об одном из силовых операторов, эксплуатирующем как посетителей, так и самих продавцов. Детские «банды» обладали значительным силовым ресурсом, который культивировался внутри подвальных сообществ и часто применялся ими вовне. Бродяги были намного лучше к нему адаптированы, насилие было частью их повседневности.

Б: Я... много никогда не дрался. Лез всегда в карман... Ну, не за словом (смеется), а за пикой. Я в этом моменте, знаешь... всегда был дерзкий. И сейчас... Ну, сейчас меня дети держат, и теперь я понимаю, что надо мной есть Бог, есть границы. Меня это... очень сильно изменило в этих планах. Вот раньше, допустим, если кто-то меня назвал дураком... Я мог за одно слово завалить человека, прикинь. Если нож взял, мне без разницы, куда я тыкаю, я свое докажу. <...> Когда вижу кровь... у меня <...> как будто что-то другое включается в голове. А если я, когда режу человека, я... Как тебе объяснить...

И: Как опьянение?

Б: Как будто какое-то легкое удовольствие. Хотя, когда я в первый раз почувствовал, когда я в первый раз порезал, я понял, что у меня есть силы, и вот этот вот маленький складшюк, да...

Насилие определяло иерархию в подвальных сообществах, служило уравнивателем. Если кто-то из детей, успешно «отработавшийся» в течение дня, не хотел делиться с товарищами, его могли ограбить, избить или вовсе выгнать. Лидеры сообществ практиковали наказания вроде «воткнуть нож в ж***у» провинившемуся, причем, судя по всему, это воспринималось как вполне ординарное событие. Насилие ограничивали, лишь вводя некоторые условные рамки, позволявшие несколько снизить сопутствующий ущерб.

Б: Без ножей жили...

И: А ножей не было просто так или по каким-то причинам?

Б: По причинам, конечно. Мало ли у кого-то замкнет, все ребята жили с психикой, все неуравновешенные. <...> Могли, вот, даже между собой драка спонтанно. Спишь, он на тебя наорал: «Что ты, там, рано не встал?» Они — бам! Давай драться.

И: А вообще доходило дело до ножей?

Б: Вообще ножами нет, в основном ножницы, ручки. Ручками много раз друг друга тыкали, ножницами. Бывало даже вот... Спали ночью там на «Шанхайке», ну и все, часа в два слышу, орут два мужика: «Выходите, будем вас убивать!!!» <...> Пьяные пришли два мужика. Ну а мы чё, молодые: «Ну-ка, чё, пацаны, встанем?» Встали — а нас толпа. Выходим: «Что надо, что орете?» Они <...>: «Мы с оперативного отдела, уголовный розыск». «Ну а что вам надо?» «На каком основании вы тут живете?» Ну и давай там вот такое говорить. Ну и все. <...> Один забежал, пацан (ему дали потом семь лет) ножницы взял, протыкал их двоих ножницами.

И торговцы, и воры, и администрация, и силовые операторы конкурировали за посетителей рынка. Последние приходили сюда с карманами, полными наличности, и вопрос заключался в том, кто быстрее ею завладеет. Если торговцы и воры изымали средства у покупателей напрямую, то администрация и силовые операторы делали это опосредованно — через поборы с торговцев.

Судя по всему, наиболее уязвимым покупатель становился в тот момент, когда останавливался у прилавка. Его внимание было сконцентрировано на разложенных там вещах, и он не мог в достаточной степени следить за своими карманами. Именно тогда вор его и обрабатывал, причем торговец даже если и видел, как деньги потенциального клиента переходят к бродяге, предпочитал молчать, опасаясь мести. По свидетельству респондентов, доносчика могли избить до полусмерти, изрезать лицо или товар.

Беспризорники заключали альянсы с другими локальными силовыми операторами — милиционерами, охранниками и бандитами, которые за определенную плату обеспечивали им прикрытие в случае необходимости. И торговцы, и непризорники рассказывали, что сдать вора охраннику или милиции можно было только буквально поймав его за руку, что само по себе было небезопасно. Но и в этом случае вор уже на следующий день мог преспокойно появиться на рынке вновь — и продолжить с того места, где остановился вчера.

Группы непризорников могли торговать насилием, как и другими криминальными услугами вроде детской проституции или распространения наркотиков. Эти услуги, по словам респондентов, покупали вполне уважаемые горожане, в том числе сотрудники окрестных отделов милиции, которые часто использовали детские «банды» для производства «палок».

Б1: Много раз так было. Забирали нас <...> «Хочешь, прямо сейчас на „малолетку“ поедешь?» «За что?» «Сейчас устроим за что. Руки в наручники закроем, в карман закинем пакет, понятых

вызовем, поедешь». «Да нет, ты что!» А у них ориентировка приходит на кого-то, и, вот, поймать надо. Отводят тебя в кабинет и говорят прямо: «Сейчас включаем диктофон, и ты должен сказать, что, вот, приходил такой-то мужик, в такой-то одежде, то-то сказал и ушел». И ты говоришь <...> на диктофон: «Приходил такой-то человек».

Б2: Есть такое, отделы даже, что говорят: «Работай на нас». <...> Этот мент мог тебе сказать, что... Как тебе объяснить? Типа: «Встреть ночью этого человека и переломай ему ноги». Я не знаю, как где, у нас в <...> отделе даже вербовали, чтобы мы торговали. И мы брали наркоту эту, мы ее скальвали. Нас поймает, в отдел притащит, как даст подзатыльнику!

И: То есть полицейские предлагали вам торговать наркотиками?

Б2: Да, чтобы мы распространяли... Придешь там. Эту анашу, масло это. Он открывает сейф, он аж весь пересохший. Возьмишь его. Как обкуришься в подвале. Сидишь хохочешь: вот дура!

Многочисленные бюрократы, обладавшие силовым ресурсом, ничего не могли (а возможно, и не хотели) поделаться ни с беспризорниками в подвалах, ни с маргиналами, торговавшими на рынке. Накладываясь на горизонтальные сети, объединявшие теневых силовых операторов, торговцев, бродяг с представителями городских влиятельных групп, укрепление силовой монополии государства приводило лишь к росту неформальной ренты, взимаемой силовиками и чиновниками. В начале «нулевых» самыми весомыми результатами многочисленных проверок и рейдов в подвалы и на барахолки, похоже, становились улучшение милицейской отчетности и повышение благосостояния исполнителей. Неформальные связи между теневым и «официальным» городом препятствовали установлению полного контроля второго над первым.

Т: Когда у них [силовиков] план не хватает, приезжает. Когда у них праздник. Завтра 8 марта, надо подарить, деньги надо зарабатывать.

И: Перед праздниками приходили?

Т: Конечно!!! Перед Новым годом. Денег надо же. Тебе надо денег? Нормально! Повод есть, тебе дал ордер — проверить! Ты пошел. Сверху разрешали. Ты меня поймал, например, тогда у нас гражданства не было. У вас нету зарплаты, пошел, поймал, тебе 200 рублей, 300 рублей. В день можешь заработать 30 тысяч.<...> Китайский кухня был, они приезжали, бесплатно кушали.

Горизонтальные сети способствовали упорядочиванию пространства, снижению непредсказуемости, вызванной произволом все укрупнявшихся силовых операторов. Респонденты — и силовики, и торговцы — упоминали неформальные соглашения между бюрократией и предпринимателями, одним приносившие дополнительный доход, другим — возможность обезопасить себя от проверок.

Т: Приезжали с милицией, проверяли «Адидас», «Рибок». Потому что на рынке нету «Адидаса» и «Рибока». <...> Одни вот ходят, «Адидас», «Рибок», и миграционка тут дальше ходит, китайцев, вьетнамцев, вообще всех нерусских ловят. <...> Еще есть торговый отдел. Торговый отдел — то, что места проверяют на разрешение. Но когда торговый отдел ходит, все места закрываются. Рынок не работает. <...> Да и тогда, раньше, как какая проверка — все, закрывали рынок, очень сильно закрывали рынок...

И: То есть об этом просто заранее узнавали и закрывали ряды?

Т: Да, администрацию, получается, предупреждали. У них свои люди, до сих пор свои люди там есть, в органах сидят. Они звонят и предупреждают, что тогда-то такая-то проверка будет. Все, если сильная проверка, рынок закрывают. А если <...> миграционка, они [торговцы-мигранты] просто сваливают, потом возвращаются вечером.

Сами торговцы эксплуатировали обычных посетителей, приобретая в ходе вторичной социализации на рынке навыки агрессивного маркетинга. Посетителей, не стесняясь, хватали за руки и тащили к прилавкам, буквально заставляя купить что-нибудь — хотя бы для того, чтобы отделаться от навязчивого сервиса. Используемые уличными торговцами способы убеждения, особенно фразы типа «берите, у меня жена/муж/дочь/сын в таком ходит», стали частью городского фольклора. В интервью встречаются упоминания о том, что продавцы сотрудничали с ворами, давая им наводки на покупателей. В момент совершения сделки торговец мог не только увидеть, сколько денег осталось у клиента, но и понять, куда тот их прячет, — и за определенное вознаграждение поделиться этой информацией с вором.

«Страна чудес», дававшая одним шанс на выживание, а другим — запретные удовольствия и способы быстрого обогащения, сделала центр Иркутска «девятиных» таким, каким он вошел в коллективную память. Существенную часть его образа составляют уличные драки и ограбления, неустроенность и грязь, постоянное воровство, настойчивость и хитрость торговцев. Но есть и еще одна важная деталь: центр ассоциируется с возможностью «достать» оптимальный по соотношению цены и качества товар или найти подработку в отчаянной ситуации.

Складывается впечатление, что в современных политических высказываниях задействована только негативная часть коллективной памяти о центре «девятиных». Критикуя прежнее состояние центра, эксперты и чиновники обычно опускают причины, по которым оно стало именно таким и было столь актуальным. Центр подвергается не только символической, но и физической «чистке» — сгорают, сносятся мигрантские общежития, прилавки, старинные деревянные усадьбы, заменяясь однотипными фасадами моллов, торговых центров, ресторанов. Прежние *места* и люди, служившие проводниками в маргинальную «страну чудес», исчезают из центра.

Т: Сейчас же [деревянных] домов практически не осталось здесь. Сжигали, часть сносили. Место чтобы освободить.

Б: Из сотен осталось, ну, десятки живые. <...> И все умерли от страшных болезней, от СПИДа, от туберкулеза, от сифилиса. <...> Остались единицы, нормальные пацаны, у которых семьи, дети. <...> Там было много детей, там нас было очень много. Н., она тоже умерла от ВИЧ, от наркоты. А Л. сейчас живая. С., у него <...> брат А. У него тоже тубович²⁷, умер. <...> К. — передоз у него, С. тоже передозировался. К. сожгли. Или от ВИЧа? С. умирал у меня на руках. Тяжело умирал. И это, брат у него, Д., сидел, сейчас сидит опять. Карманник тоже, такой лютый. Этот, М., тоже умер от передоза. Д. умерла на операционном столе. У нее тоже ВИЧ был. <...> Б. тоже умер. <...> Сидел на кумаре, потом укололся, резко, много, и у него печень лопнула...

²⁷ То есть туберкулез и ВИЧ.

Возможно, параллельно этим массовым смертям людей и домов исчезла сама необходимость в неформальных точках «входа» в городской центр. Поэтому подвалы стоят запертыми на замки, рынки практически опустели, а уличные торговцы покидают район.

**Обвиняя место:
центр
эпохи перемен
как политический
миф**

До определенного момента вернакулярный центр Иркутска ассоциировался с торговлей под открытым небом, целым конгломератом базаров, которые постепенно срослись в единое целое, заняв площадь около 10 тыс. квадратных метров. В городе их знали под общим названием «Шанхайка», которое стало синонимом словосочетания «городской центр». При этом именно торговая функция, которая фактически определяла центр, постепенно становилась объектом все более жестких нападков со стороны влиятельных групп. «Китайские рынки» и «центр Иркутска» в публикациях СМИ постоянно идут в одной смысловой связке, причем первые представлены как некое злокачественное образование, поглотившее и поработившее второй.

Первые же упоминания о симбиозе центра и рынков в цифровых медиа представляют его как отклонение. В 2004 г. глава комитета по управлению муниципальным имуществом объявил, что образующие «Шанхайку» рынки будут перенесены из центра города на окраину²⁸. В августе 2006 г. местная «Комсомольская правда» со ссылкой на вице-мэра проинформировала читателей, что «Шанхайка» доживает последние месяцы и муниципальную землю, на которой стоит рынок, скоро выставят на торги²⁹. А в ноябре в том же издании вышла статья под названием «В Иркутске осталось шесть „шанхаек“»³⁰, где приводились адреса «разросшихся как грибы после дождя» дублеров базаров центра и давался подробный обзор цен на продающиеся там товары.

В 2009 г. в материале, опубликованном на портале Realty.irk.ru, сообщалось, что «судьба земельного участка в центре Иркутска, ранее занимаемого рынком „Шанхай“, решена»³¹. Наряду с муниципальными служащими, в этом материале фигурировало еще одно действующее

²⁸ <https://www.kommersant.ru/doc/512847>.

²⁹ <https://www.kp.by/daily/23754/5/173370/>.

³⁰ <https://www.irk.kp.ru/daily/23802/173662/>.

³¹ <https://realty.irk.ru/news.php?id=4291&action=show>.

лицо — бизнесмен, глава нескольких крупных предприятий, который арендовал эти площади у городской администрации и собирался построить там многоэтажный торгово-офисный центр.

Снова и снова в нарративах власти звучало слово «цивилизация» и его производные: в нынешнем состоянии, занятый хаотической уличной торговлей, центр совершенно неприемлем и поэтому его следует «цивилизовать»³². В 2010 г. тогдашний иркутский мэр заявил, что рынок вскоре «переедет», а на его месте возникнет многоуровневая парковка³³. Год спустя этот тезис вновь попал в СМИ: на очередном совещании мэр подчеркнул, что «наша основная задача — привести центр города в цивилизованный вид и ликвидировать незаконную торговлю. Основные участники рынка, а это 6 крупных собственников, готовы к диалогу. Будем решать проблему вместе»³⁴. В 2013 г., то есть через четыре года после появления информации о том, что некий предприниматель арендовал у города площади, на которых стояла «Шанхайка», решив тем самым ее судьбу, администрации пришлось констатировать, что борьба с рынком будет долгой и трудной: «Действуя в рамках закона, с „шанхайкой“, которая стихийно разрасталась более 15 лет, за год, за два не справиться. Фактически все земли там уже раскуплены, и мы не вправе заставлять владельцев частной собственности продавать свои участки муниципалитету»³⁵. «Шанхайка» как была, так и осталась, только располагалась она теперь не на муниципальной земле, а на частной. В том же году в городе прошел митинг, участники которого призвали мэрию перенести рынок³⁶; возмущение горожан разделили сотрудники местных проектировочных НИИ, назвавшие рынок «раковой опухолью, пожирающей исторические улочки»³⁷.

Однако настоящий шум вокруг иркутского центра и расположенных там рынков поднялся годом позже. Целая группа чиновников и общественных работников обрушилась на «Шанхайку», выдвигая в общем-то привычные обвинения: «нецивилизованность», хаотичность, преступность и антисанитария. Риторика властей становилась все жестче, теперь они анонсировали «блицкриг против средоточия антисанитарии, несанкционированной торговли и воровства»³⁸. К чиновникам присоединили свой голос эксперты, раскрывшие смысл уже неоднократно звучавшего в публичных выступлениях представителей городской администрации полисемичного понятия «цивилизованность». Довольно показательны в этом отношении рассуждения аналитика рынка коммерческой недвижимости Татьяны Галушенко, приводимые в одном из материалов, опубликованных на сайте журнала «Эксперт-Сибирь»: «Мне кажется, если уж взялись за „шанхайку“, надо убирать и „Площадь Павла Чекотова“ — это же прошлый век. А заодно и свежеспеченный „Шанхай-Сити“ — он только снаружи выглядит цивилизованно, а внутри — все та же шанхайка... Эта территория — самый центр Иркутска, его торговый центр. Она должна нести представительские функции — по ней приезжающие люди формируют представление о городе, насколько его жители любят, ценят, заботятся о нем. Соответственно, здесь должны

³² <https://www.interfax-russia.ru/siberia/novosti-gorodov/vlasti-irkutskapredlozhili-torgovcam-shanhayki-pereehat-v-sovremenny-torgovy-centr>.

³³ <https://www.irk.kp.ru/daily/24563.4/736817/?view=desktop>.

³⁴ <https://irkutsk.sibnovosti.ru/society/145298-irkutskaya-shanhaykastanet-chistoy-i-sovremennoy>.

³⁵ <http://baik-info.ru/sm/2013/06/011006.html>.

³⁶ <https://baikal.mk.ru/articles/2013/02/15/813312-piketaza-perenos-ulichnogyinka-shanhaykanamerenyi-provesti-v-irkutске.html>.

³⁷ <https://expert.ru/siberia/2013/26/shagrenyiy-irkutsk/>.

³⁸ <https://expert.ru/siberia/2014/21/shanhajskij-blitskrig/>.

быть презентационные, качественные коммерческие объекты. Это могут быть гостиницы, офисы, фитнес-центры, смешанные развлекательные форматы»³⁹.

³⁹ Там же.

Эту аргументацию подхватили сразу несколько крупнейших городских медиа, объявившие локальность рассадником всевозможных бед — от воровства до нарушения правил парковки. Параллельно в городе начались события, схожие с собянинской «ночью длинных ковшей»⁴⁰. Силовики буквально выдавливали маргиналов из центра постоянными рейдами и проверками, в ходе которых сносились «незаконные» прилавки и павильоны⁴¹. Влиятельные группы праздновали победу, выдавая пресс-релизы, выдержанные в стиле фронтовых сводок: «Многолетнее сопротивление собственников земельных участков переменам в районе рынка „Шанхайка“ преодолено. <...> Для Иркутска в целом — это настоящий прорыв, это качественное изменение центра города»⁴². Немалая часть торговцев переехала на новые площадки на окраине.

⁴⁰ <https://regnum.ru/news/2337257.html>.

⁴¹ <http://www.irk.ru/news/articles/20140617/market/>.

⁴² https://sia.ru/?section=410&action=show_news&id=289442.

В то же время в публичном пространстве появились сообщения об инициированном мэром проекте «Иркутские кварталы», который, вторя муниципальным властям и экспертам, взял на себя задачу нести «цивилизацию» в городской центр, призвав реконструировать сразу 11 его кварталов⁴³. Подобно своим многочисленным предшественникам, авторы проекта предлагают подвергнуть центр джентрификации «сверху», вытеснив оттуда маргинальные группы и практики и заменив их более прибыльными и социально престижными.

⁴³ <https://irkutskmedia.ru/news/555923/>.

Рассказывая на своем сайте о торговых традициях центра Иркутска и располагавшихся там в разные периоды базарах, авторы проекта вместе с тем утверждают, что открытые рынки «девяностых» идут вразрез с этими традициями: «Исторически главной функцией центра Иркутска была торговая, и на протяжении трех с половиной веков территория развивалась в этом направлении. <...> В постсоветский период территориальное развитие центральной части Иркутска было нарушено агрессивной торговой ментальностью — в частности, стихийный китайский вещевой рынок „Шанхайка“... стал одной из главных проблем города. Торговля шла отовсюду — с лотков, с палаточных торговых лавок и из окон деревянных исторических зданий. В толчее узких проходов люди становились жертвами воров-карманников. <...> Много лет „Шанхайка“ пускала „метастазы“, заражая сопредельные кварталы исторического центра»⁴⁴. Примечательно, что этот абзац практически дословно воспроизвели сразу несколько иркутских изданий⁴⁵.

⁴⁴ *Иркутские кварталы* б.г.

⁴⁵ <https://glagol38.ru/newdesign/text?date=05-06-2020&url=002>; <https://baikallife.ru/istoriyu-irkutskikh-kvartalov-rasskazhuta-na-onlajn-progulke-9-iyunya/>; <http://www.irk.ru/news/20200607/walking/>.

⁴⁶ <http://www.vsp.ru/2014/12/09/vtoraya-popytka-7/>.

Фактически авторы представили в нем стереотипное описание базара *per se*, попутно признав, что нечто подобное существовало на данных территориях веками. Причем, анонсируя бережное отношение к историческим зонам⁴⁶, они исключили из понятия «история» практически все постсоветские годы. Аналогичный подход характерен и для городских элит, в публичных высказываниях которых образ центра Иркутска столетней давности оказывается «более настоящим», нежели реальные функции, которые он выполнял почти 30 последних лет.

⁴⁷ <https://irkutskmedia.ru/news/574584/>.

⁴⁸ <http://babr24.com/irk/?IDE=145293>.

⁴⁹ <https://bg-irkutsk.livejournal.com/6789335.html>.

В 2015 г. уже новый мэр выразил озабоченность проблемой «Шанхайки», констатировав, что она остается одной из болевых точек города⁴⁷. В 2016 г. одно из местных изданий в очередной раз анонсировало конец «Шанхайки», сообщив, что мэрия приступила к сносу рынка и реализации «самого большого проекта реконструкции центральной части города с историческим уклоном»⁴⁸. Однако, как свидетельствует небольшой фоторепортаж, опубликованный в 2020 г. порталом «Большой город», «„Шанхайка“ продолжает свою жизнь в центре Иркутска»⁴⁹.

Заключение

Среди множества метафор города⁵⁰ наиболее релевантными представляются две — сетевого узла⁵¹ и машины⁵².

⁵⁰ Трубина 2011.

⁵¹ Урри 2012; Кастель 2016: 100.

⁵² Мамфорд 2001.

⁵³ Кастель 2016: 64.

⁵⁴ Mattern 2013.

Подобно глобальному сетевому узлу — государству⁵³ город становится точкой концентрации производственных и логистических цепей, информации, горизонтальных социальных сетей, обеспечивающих выполнение им таких функций, как накопление, производство и перераспределение ресурсов. Город как сетевой узел двойствен. Культура и материя идут здесь рука об руку, «физические» сети буквально позволяют существовать сетям информационным⁵⁴.

⁵⁵ Ассман 2004: 70—76.

По аналогии с древнейшими людскими «машинами», описанными Льюисом Мамфордом, город существует и функционирует благодаря тонко настроенному взаимодействию человека, «горячей» и «холодной» памяти⁵⁵, социальных институтов, субъективных переживаний и материи, где память и институты являются операционной системой, а камень, сталь и человеческие руки — «железом». Отдельный человек и социальные группы выступают одновременно его деталями и бенефициарами, играя свою, часто строго регламентированную роль в производстве и потреблении порядка, безопасности, еды и энергии.

Как и любая другая машина, город имеет интерфейсы, позволяющие человеку сливаться с ним в единое целое, выполнять определенную функцию и получать взамен доступ к ресурсам. Интерфейсы соединяют материальный носитель (место) с набором алгоритмов, придающих ему смысл (в виде последовательности действий, считываемой тем или иным образом по коллективному согласию). Знание алгоритмов и умение выстраивать соответствующие коллективным ожиданиям комбинации места и социального софта дают человеку власть над городом, одновременно делая его частью машины. Этот процесс превращения человека в функцию в обмен на блага можно назвать «входом» в город.

Места, которые следует посетить, и действия, которые там нужно совершить, закреплены коллективными договоренностями, в связи с чем процесс подключения к городскому сетевому узлу оказывается воспроизводимым. Овладевая одним интерфейсом за другим (детский сад — школа — университет), человек повышает уровень своего подключения к нему, а тем самым — и свою власть над собственным будущим и будущим городских пространств.

⁵⁶ Харви 2018.

Проблема в том, что возможности горожан по подключению к институциональным интерфейсам не равны⁵⁶. Некоторые не способны или не хотят выполнять институционализованные алгоритмы, лишаясь доступа к ресурсам. Человек может не подпадать под формальные критерии некоторых интерфейсов (как трансграничные мигранты), или осознанно отказываться от выполнения алгоритмов (как беспризорники, сбегающие из детских домов), или не обладать необходимой информацией (как внутренние мигранты). Наконец, сам интерфейс по тем или иным причинам может прийти в негодность и перестать удовлетворять потребности подключенных к нему горожан. Люди в прямом смысле слова находятся на разном расстоянии от интерфейса⁵⁷; следовательно, цена доступа к благам для них будет неодинакова.

⁵⁷ Там же: 70.

Город «девяностых» был местом концентрации людей, крайне отдаленных от институциональных интерфейсов, которые к тому же в большинстве своем перестали срабатывать. Это создало запрос на кустарные, «пиратские» узлы, которые предоставляли бы горожанам альтернативные «входы» в город в обмен на повышенный риск или потерю репутации. Ответом на этот запрос и выступили подвалы, рынки, стоянки, расположенные в центре. Они стали интерфейсами, предполагавшими выполнение алгоритмов, которые сегодня многими рассматриваются как нечто недопустимое (воровство, «крышевание», уличная торговля, проституция и т.п.). Выполнение этих алгоритмов давало возможность, пусть зачастую и иллюзорную, интегрироваться в город, обеспечив себя едой и теплом.

Социальная маргинальность породила маргинальность пространственную: территории городского центра, предназначенные для совершенно других целей, начали выполнять функцию «входа» в постсоветскую «страну чудес», причем как для поставщиков услуг, так и для их потребителей. Вполне логично, что такие территории должны были быть сосредоточены в логистическом и транспортном узле, как можно ближе к большим скоплениям людей, в свою очередь привлекая все новых посетителей. Именно так и произошло с иркутским центром, который стал домом, работой, развлечением и даже могилой для сотен и тысяч представителей маргинальных групп.

С возобновлением работы более традиционных механизмов социализации и подключения к городу потребность в «пиратских» интерфейсах снизилась (хотя и не исчезла полностью). Похоже, что именно в это время центр «девяностых», места и практики, определявшие его специфику, окончательно были признаны девиантными — по сути, задним числом. «Пиратские» интерфейсы были объявлены противоречащими этике нового города чуть ли не с момента их появления. Однако городские влиятельные группы, часть представителей которых, судя по всему, достигла своего нынешнего положения не в последнюю очередь благодаря подобным интерфейсам, до поры до времени не предпринимали против них решительных шагов

и воздерживались от жесткой риторики. Полномасштабная атака на «пиратские» интерфейсы развернулась тогда, когда они начали терять популярность у горожан и, соответственно, уже не приносили баснословных прибылей.

Итогом всего этого стала, в частности, маргинализация самой коммуникативной памяти о центре эпохи перемен. Если верить авторам проекта «Иркутские кварталы», базары в центре Иркутска существовали с незапамятных времен, и едва ли в начале XX в., в годы революции и гражданской войны, да и в сталинском СССР они выглядели лучше сегодняшней «Шанхайки». В чем же причина активного отторжения «базарной» функции центра в ее нынешней форме? Помимо того, эта функция плохо поддавалась контролю, дело, видимо, в том, что атака на нее использовалась как аргумент в непрерывной борьбе за «право на город». Не случайно практически за каждым заявлением публичных лиц о «нецивилизованности», «грязи», «преступности» центра следовало сообщение об очередном мегапроекте по его редактированию.

Тот факт, что подобные заявления сегодня практически не встречают критики со стороны огромного количества горожан, которые пользовались центром в первую очередь именно как «Шанхайкой», может объясняться тем, что практики, определявшие городской центр эпохи перемен и считавшиеся тогда вполне нормальными, сейчас переосмысливаются с позиций нового социального порядка, выразителями которого становятся городские политические режимы⁵⁸. Попытки поместить их в новые системы категорий ни к чему не приводят. В итоге целые районы, где они совершались, иногда вместе с населением, воспринимаются как маргинальные и неприемлемые, как чужеродные фрагменты уже ушедшей эпохи социальной нестабильности⁵⁹ в теле нового города.

Категоризация людей и мест имеет равное значение для формирования социального порядка, позволяя «раскодировать» социальную сцену, спланировать свои действия, просчитать реакцию окружающих. Невозможность отнести место к определенному сорту оборачивается тем, что оно начинает пониматься как *грязное* — в том смысле, в котором употребляла это слово Мэри Дуглас⁶⁰, то есть как неправильное, непостижимое. Городские районы подвергаются категоризации, что находит отражение в нарративах власти — публичных высказываниях муниципальных служащих, концепциях пространственного развития территорий, генеральных планах, правилах землепользования и застройки.

Выпадение места в силу тех или иных причин из подобной системы категорий может приводить к превращению его в «чужака», разрушающего границы привычного «здесь» точно так же, как «чужак» человеческой природы разрушает границы привычного «мы»⁶¹. Вернакулярный центр стал «местом памяти» о коллективной травме, вызванной погружением целого города в ситуацию социальной нестабильности,

⁵⁸ Ледяев 2006.

⁵⁹ Бляхер 2005.

⁶⁰ Дуглас 2000.

⁶¹ Парк 2011: 234.

⁶² Григоричев и др.
2019.

памяти о нищете, насилии и непредсказуемости⁶². Возможно, именно поэтому горожане соглашаются с тем, что центр недавнего, субъективно-го прошлого и связанные с ним практики подлежат, в отличие от мифического прошлого вековой выдержки, скорейшему забвению. В результате целые десятилетия вычеркиваются из памяти непосредственных наблюдателей, их заменяют восстановленным по архивным фотографиям прошлым, чересчур отдаленным, чтобы быть травмоопасным. Как подчеркивает Александр Эткинд, «репрезентация прошлого делает его настоящим, хоть и в обезвреженной, сравнительно безопасной для субъекта форме»⁶³.

⁶³ Эткинд 2018: 11.

Затянувшееся же расхождение между проектами влиятельных групп, апеллирующими к «цивилизации», и реальностью можно объяснить тем, что функция центра как кустарного интерфейса, обеспечивающего маргинальным сообществам доступ к городскому сетевому узлу, все еще актуальна. Безусловно, уже не в тех объемах и иных, чем прежде, формах, но она все еще может приносить прибыль как городским политическим режимам, так и маргинальным группам. Однако констатация этого простого факта способна на годы отсрочить очередной передел территорий центра — равно как и признание последних десятилетий «историей».

Библиография

- Ассман Я. (2004) *Культурная память*. М.: Языки славянской культуры.
- Барфилд Т. (2002) «Мир кочевников скотоводов» // Крадин Н.Н. и Д.М.Бондаренко, ред. *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН: 41—61. URL: https://inafran.ru/sites/default/files/page_file/kochevaya_alternativa.pdf (проверено 19.11.2020).
- Бляхер Л. (2005) *Нестабильные социальные состояния*. М.: РОССПЭН.
- Волков В. (1999) «Силовое предпринимательство в современной России» // *Социологические исследования*, № 1: 56—65. URL: http://essosman.hse.ru/data/166/896/1217/00-2_volkov.pdf (проверено 19.11.2020).
- Гофман И. (2000) *Представление себя другим в повседневной жизни*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.
- Григоричев К., В.Дятлов, Д.Тимошкин и Д.Брызгина. (2019) *Базар и город: люди, пространства, образы*. Иркутск: Оттиск.
- Дуглас М. (2000) *Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.
- Иркутские кварталы: Исторический контекст*. URL: <https://irkkvartal.ru/> (проверено 19.11.2020).
- Каганский В. (1999) «Вопросы о пространстве маргинальности» // *Новое литературное обозрение*, № 3 (37): 52—62. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/3/voprosy-o-prostranstve-marginalnosti.html> (проверено 19.11.2020).

- Калуцков В.Н. (2013) «О типах районов в культурной географии» // *Культурная и гуманитарная география*, т. 1, № 2: 3–9. URL: <https://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/68> (проверено 19.11.2020).
- Кастельс М. (2016) *Власть коммуникации*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Кэрролл Л. (1960) *Алиса в стране чудес*. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во.
- Ледяев В.Г. (2006) «Социология власти: теория городских политических режимов» // *Социологический журнал*, № 3/4: 46–68.
- Линч К. (1982) *Образ города*. М.: Стройиздат.
- Мамфорд Л. (2001) *Миф машины*. М.: Логос.
- Нора П. (1999) «Нация-память» // Нора П., М.Озуф, Ж. де Пюи-меж и М.Винок. *Франция-память*. СПб.: Изд-во СПбГУ: 51–65.
- Парк Р. (2011) *Избранные очерки*. М.: ИНИОН РАН.
- Стивенсон С.А. (2000) «Уличные дети и теньевые городские сообщества» // *Социологический журнал*, № 3/4: 87–97.
- Тимошкин Д.О. (2018) «Выживание, экзотика, пустота: эволюция постсоветского открытого рынка в городских нарративах» // *Социологический журнал*, № 4: 54–74.
- Трубина Е. (2011) *Город в теории*. М.: Новое литературное обозрение.
- Урри Дж. (2012) *Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Хальбвакс М. (2007) *Социальные рамки памяти*. М.: Новое изд-во.
- Харви Д. (2018) *Социальная справедливость и город*. М.: Новое литературное обозрение.
- Шайдель В. (2019) *Великий уравнитель*. М.: АСТ.
- Шнирельман В. (2003) *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: Академкнига.
- Эткинд А. (2018) *Кривое горе: Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение. URL: http://esimde.org/wp-content/uploads/2020/07/etkind_a_krivoje_gore_pamiat_o_nepogrebennykh-1.pdf (проверено 19.11.2020).
- Mattern S. (2013) *Deep Mapping the Media City*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

D.O. Timoshkin

DREAMS

**ABOUT AN OVERCOME BOUNDARY:
STREET CHILDREN, VENDERS,
URBAN POLITICAL REGIMES
IN “WARS OF MEMORIES”
ABOUT THE CITY OF THE “NINETIES”**

Dmitriy O. Timoshkin — Ph.D. in Sociology; Research Fellow at the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University; Senior Lecturer at the Department of Cultural Studies, School for the Humanities, Siberian Federal University (Krasnoyarsk). Email: dmtrtim@gmail.com.

Abstract. The article analyzes the images of the Irkutsk city center in the memories of the representatives of two marginal groups — street children and vendors, who lived and worked there from 1999 to 2006, as well as its modern images in the public statements of the urban elites. The aim of the study is to identify the functions that the city center performed during the years of deep social transformations and to reveal why today one wants to forget about it as soon as possible.

The author argues that the places mentioned by the respondents and the actions performed in those places largely shaped the current ideas about the period of social chaos in the “post-Soviet” city — a period of uncertainty, violence and fear. Today, these places and functions are mostly memories, which are gradually being replaced by the simplified and emotionally rich myths about the past that are being broadcast by the urban political regimes. The latter displace marginal groups from the center and change the places they previously occupied, simultaneously altering the collective memory associated with these places.

The article puts forward and justifies a hypothesis that starting from the mid-1990s and almost until the end of the 2000s these territories were used by the majority of citizens as an extra-institutional interface necessary for connecting to the city resource node. This function has become the primary cause of fierce conflicts, during which numerous enforcers tried to establish a monopoly on the collection of rents from the human and resource flows concentrated there. The image of the center as a deviant place was constructed simultaneously by the urban regimes and marginal groups: the former used it as a weapon in the struggle for the “right to the city,” the latter associated it with the collective trauma they had experienced.

Keywords: the right to the city, marginality, space, urban network node, “pirate” interface, urban political regime

References

- Assmann J. (2004) *Kul'turnaja pamjat'* [Das kulturelle Gedächtnis] Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)
- Barfield T. (2009) “Mir kochevnikov skotovodov” [The World of Pastoral Nomads] // Kradin N.N. and L.M.Bondarenko, eds. *Kochevaja al'ternativa sotsial'noj evolutsii* [The Nomadic Alternative of Social Evolution]. Moscow: Tsentr tsivilizatsionnykh i regional'nykh issledovanij RAN: 41–61. URL: https://inafran.ru/sites/default/files/page_file/kochevaya_alternativa.pdf (accessed on 19.11.2020). (In Russ.)
- Bliakher L.E. (2005) *Nestabil'nye sotsial'nye sostojanija* [Unstable Social Conditions]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Carroll L. (1960) *Alisa v strane chudes* [Alice's Adventures in Wonderland]. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izd-vo. (In Russ.)
- Castells M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej skoly ekonomiki. (In Russ.)
- Douglas M. (2000) *Chistota i opasnost': Analiz predstavlenij ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo]. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Etkind A. (2018) *Krivoje gore: Pamjat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of Unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. URL: http://esimde.org/wp-content/uploads/2020/07/etkind_a_krivoje_gore_pamiat_o_nepogrebennykh-1.pdf (accessed on 19.11.2020). (In Russ.)
- Goffman E. (2000) *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Grigoriev K., V.Dyatlov, D.Timoshkin, and D.Bryazgina. (2019) *Bazar i gorod: ljudi, prostranstva, obrazy* [Bazaar and the City: People, Spaces, Images]. Irkutsk: Ottisk. (In Russ.)
- Halbwachs M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamjati* [Les cadres sociaux de la memoire]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)
- Harvey D. (2018) *Sotsial'naja spravedlivost' i gorod* [Social Justice and the City]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Irkutskie kvartaly: Istoricheskij kontekst* [Irkutsk Districts: Historical Context]. URL: <https://irkkvartal.ru/> (accessed on 19.11.2020). (In Russ.)
- Kagansky V. (1999) “Voprosy o prostranstve marginal'nosti” [Questions about the Space of Marginality] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], no. 3 (37): 52–62. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/3/voprosy-o-prostranstve-marginalnosti.html> (accessed on 19.11.2020). (In Russ.)
- Kalutskov V.N. (2013) “O tipakh rajonov v kul'turnoj geografii” [On Types of Areas in Cultural Geography] // *Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija* [Cultural and Humanitarian Geography], vol. 1, no. 2: 3–9. URL:

<https://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/68> (accessed on 19.11.2020). (In Russ.)

Ledyayev V.G. (2006) “Sotsiologija vlasti: teorija gorodskikh politicheskikh rezhimov” [Sociology of Power: the Theory of Urban Political Regimes] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], no. 3/4: 46–68. (In Russ.)

Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow: Strojizdat. (In Russ.)

Mattern S. (2013) *Deep Mapping the Media City*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Mumford L. (2001) *Mif mashiny* [The Myth of the Machine]. Moscow: Logos. (In Russ.)

Nora P. (1999) “Natsija-pamjat” [Nation-mémoire] // Nora P., M.Ozouf, G. de Puymège, and M.Winock. *Frantsija-pamjat’* [Rethinking France]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU: 51–65. (In Russ.)

Park R. (2011) *Izbrannye ocherki* [Selected Essays]. Moscow: INION RAN. (In Russ.)

Scheidel W. (2019) *Velikij uravnitel’* [The Great Leveler]. Moscow: AST. (In Russ.)

Shnirelman V. (2003) *Vojny pamjati: mify, identichnost’ i politika v Zakavkaz’e* [Wars of Memory: Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga. (In Russ.)

Stivenson S.A. (2000) “Ulichnye deti i tenevye gorodskie soobshchestva” [Street Children and the Informal Urban Communities] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], no. 3/4: 87–97. (In Russ.)

Timoshkin D.O. (2018) “Vyzhivanie, ekzotika, pustota: evoljutsija post-sovetskogo otkrytogo rynka v gorodskikh narrativakh” [Survival, Exotica and Emptiness: The Evolution of the Post-Soviet Open Market in Urban Narratives] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], vol. 24, no. 4: 54–74. (In Russ.)

Trubina E. (2011) *Gorod v teorii* [Social Theory and Urban Space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Urry J. (2012) *Sotsiologija za predelami obshchestv: Vidy mobil’nosti dlja 21 stoletija* [Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century]. Moscow: Izdatel’skij dom Vysšej školy ekonomiki. (In Russ.)

Volkov V. (1999) “Silovoe predprinimatel’stvo v sovremennoj Rossii” [Force Entrepreneurship in Contemporary Russia] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 1: 56–65. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/166/896/1217/00-2_volkov.pdf (accessed on 19.11.2020). (In Russ.)